

Реалии и мифы

Первый день нынешнего года был ознаменован юбилеем — столетием провозглашения ССРБ, ставшей впоследствии Белорусской Советской Социалистической Республикой — историческим фундаментом современной независимой и суверенной Беларуси. Продолжим развенчивать устоявшиеся вокруг БССР мифы и домыслы. Сегодня — очередная беседа с известным белорусским историком, председателем Постоянной комиссии Палаты представителей Национального собрания Беларуси по образованию, культуре и науке, членом-корреспондентом Национальной академии наук, доктором исторических наук, профессором Игорем МАРЗАЛЮКОМ.

Миф 20-й: Немецкая оккупация содействовала белорусской государственности

— Игорь Александрович, прошлую беседу вы завершили выводом: говорить о том, что гитлеровцы дали немало для белорусской государственности, — значит не понимать сути нацистской политики. Вместе с тем наблюдается любопытная прецедентность. Создатели БНР упали на кайзера, националисты в годы последней оккупации — на фюрера. И некоторые современные историки усматривают в этом некую результативность...

— Это очередной миф. Все коллаборационистские структуры — Белорусская народная самопомощь, Белорусский корпус самообороны, Белорусская краевая оборона, Белорусская центральная рада — были созданы лишь тогда, когда немцы начали испытывать одно за другим поражения на фронтах. И создавались они исключительно для борьбы с партизанами — людьми, которые не ждали, пока истребят их народ, а взяли в руки оружие. Количество белорусов, участвовавших в коллаборационистских движениях, было мизерным. У большинства же реакцией на гитлеровскую оккупацию стало сперва стихийное, а позже организованное и структурированное партизанское движение с центральным штабом в Москве, который возглавлял Пантелеймон Пономаренко.

Все это привело к тому, что в нацистской расовой доктрине белорусский народ — и в данном случае мы можем с честью об этом говорить — фигурировал не как народ-помощник, а — из-за своего ожесточенного сопротивления — как народ-недочеловек. Как заключала уже упоминавшаяся в прошлой беседе немецкая исследовательница Тереза Фогт, гитлеровцы стали воспринимать и трактовать белорусов унтерменшами: «Дискурсивная линия реальности позволяет говорить про обхождение с белорусским населением как с недочеловеками — целиком в соответствии с национал-социалистической расовой идеологией». А потому надо отбросить лживые иллюзии и стоять на реалиях оккупационной политики. И ссылки на то, что сотрудничавшие с гитлеровцами националисты сами обманывались и были жертвами пропаганды, несостоятельны: виселицы на улицах, концлагеря, еврейские гетто в городах, разнузданная расистская пропаганда, обилие наказаний с угрозой смерти — все это было очевидным. Но вело лишь к росту белорусского сопротивления, приумножению нашей национальной ненависти.

Большинство европейских историков едины в выводах: белорусы дали минимальное количество коллаборационистов, предателей. Потому что этнический национализм как враждеб-

«В каждой нашей семье плачут малые дети Хатыни».

ная соседям идеология в Белоруссии не определял массового сознания носителей белорусской национальной идентичности. И это обстоятельство обусловило два других важнейших результата той войны, которыми мы можем гордиться: громадное количество Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы и огромный процент белорусов, которые спасали тех, кого немцы считали недостойными жизни. Ни одного случая, когда местное население инициировало массовое уничтожение евреев, поляков или еще кого, в Беларуси не было.

— К сожалению, некоторые наши соседи поставили себе в заслугу подобное не могут. Да и Хатынь жгли отнюдь не белорусские полиция...

— Скажу непопулярную вещь. Ни в коем случае не хочу шельмовать другие народы, также попавшие под оккупацию. В каждом из них разные люди вели себя по-разному. Но отмечу одно: среди добровольно пошедших служить «новому порядку» полицейских максимальное недоверие у гитлеровцев вызывали именно белорусские. Наша полиция была наиболее ненадежной из всех полицейских вспомогательных формирований, созданных гитлеров-

цами на оккупированных территориях. К тому же в белорусской полиции полицейских белорусского происхождения катастрофически не хватало. Отсюда и полицейские батальоны, завезенные, так сказать, «по импорту». В свою очередь, это приводило к тому, что и платили белорусским полицейским меньше.

«Зарплата» рядовых полицейских (в день)

- латышских — 3,80 рейхсмарки;
- литовских — 3,80 рейхсмарки;
- украинских — 0,80 рейхсмарки;
- белорусских — 0,80 рейхсмарки.

«Зарплата» полицейских командиров (в день)

- латышских — 15,50 рейхсмарки;
- литовских — 15,50 рейхсмарки;
- украинских — 5,80 рейхсмарки;
- белорусских — 5,50 рейхсмарки.

«Пенсия» семье в случае гибели полицейского (в месяц)

- латышского — от 43 до 144 рейхсмарок;
- литовского — от 43 до 144 рейхсмарок;
- украинского — от 17 до 60 рейхсмарок;
- белорусского — от 17 до 60 рейхсмарок.

Когда читаешь характеристики, которые белорусским полицейским давали немцы, обнаруживаешь, что они мало отличаются от тех эпитетов, которыми награждали этих изменников партизаны. Гиммлер вообще считал, что применение дисциплинарных взысканий по отношению к полицейским-белорусам или украинцам, в отличие от прибалтийских, не имеет смысла: «Им нехарактерно чувство чести в немецком ее понимании, потому как они не имели в принципе понимания воспитания и порядка. Поэтому для полицейских — как белорусских, так и украинских — угнетение, физическое наказание и лишение свободы — это лучшая форма воспитания, при помощи которой можно улучшить качество их службы». В своих нормативных документах немцы именовали белорусских полицейских илотами — так в древней Спарте назывались земледельцы, находящиеся на промежуточном положении между крепостными и рабами. То есть полноценными и равноправными партнерами «бобиков» немцы не воспринимали.

— А население, как известно, их и вовсе презирало. И это настолько вошло в нашу историческую память, что и сегодня, в год 75-летия освобождения Беларуси, возможность переименования современной милиции в полицию даже не обсуждается, хотя в Западной Европе правоохранители именовались именно так. Однако прибалтийские тенденции по героизации своих коллаборационистов наши националисты не прочь перенять...

— И очень зря. Поскольку еще один, причем крайне неприятный для многих наших соседей, аспект Великой Отечественной войны — это действия вооруженных коллаборационистских формирований на территории нашей республики. Шведско-американский историк, специалист по национальной идентичности и истории белорусского и украинского нацио-

нализма Пер Андерс Рудлинг одну из своих работ — под названием «Наука убивать» — посвятил 201-му батальону охранной полиции, гауптману Роману Шухевичу и его кровавым злодеяниям на нашем Подвишье в 1942 году. Работа эта была опубликована в абсолютно негосударственном журнале Archa и доступна любому, кто умеет читать по-белорусски.

На еще один непопулярный и малоизвестный факт указывает российский историк Александр Дюков. В книге «Операция «Зимнее волшебство»: нацистская истребительная политика и латвийский коллаборационизм» он пишет: «Выгодным для латвийских полицейских и зажиточных латышских крестьян оказался и угон мирного населения. Уже в начале марта, чуть более чем через три недели после начала операции «Зимнее волшебство» (эта карательная антипартизанская операция проводилась с 15 февраля до начала апреля 1943 года в треугольнике Себеж — Освея — Полоцк и у нас известна как Освейская трагедия. — Прим. ред.), в латвийских газетах появилась информация о раздаче «подсобных рабочих» из числа угнанных из района операции детей. Латышские крестьяне покупали малолетних батраков за 9 — 15 марок в месяц. Полгода спустя детский регистрационный пункт в Риге сообщал: «Малолетние дети русских беженцев... без отдыха, с раннего утра до поздней ночи, в лохмотьях, без обуви, при очень скудном питании, часто по несколько дней без еды, больные, без врачебной помощи, работают у хозяев на несоответствующих их возрасту работах. Своей безжалостностью их хозяева ушли так далеко, что быют несчастных, которые от голода теряют трудоспособность».

Поэтому говорить об оккупации как о шансе для белорусской государственности пинично и дико. Великая Отечественная война — это коллективная травма всего белорусского народа. Помните: «В каждой нашей семье плачут малые дети Хатыни». Тем ужаснее факт существования сегодня белорусскоязычного нацистского сегмента интернета — а он есть! Обнадешивает что все социологические опросы показывают замечательный факт.

В нашей исторической памяти, передаваемой от деда к отцу, а от отца — к сыну и внуку, есть два события национальной истории, являющиеся абсолютным (подчеркну это слово) предметом национальной гордости. Это победа в Великой Отечественной войне и неразрывно с ней связанное обретение Беларусью независимости. Причем можно говорить даже о белорусскоцентричной версии той войны — через призму белорусской субъектности и понимания значения Великой Победы в этой войне для будущей независимости нашей страны.

Белорусы — самый ненацистский народ. Нацизм и его идеология, апология расовой и этнической ненависти до сих пор у нас на уровне массовых стереотипов не прижились. И, надеюсь, не приживутся никогда. Наше национальное самосознание не привязано к стереотипам этнической ненависти против своих соседей. И поэтому в нашей национальной традиции все проявления такой ненависти и убийства по национальным, этническим, религиозным признакам привели лишь к одному: те, кто совершал это вместе с немцами, по сей день воспринимаются как предатели, коллаборационисты и враги — и никак иначе.

Беседовал Максим ОСИПОВ.
osipov@sb.by

